

Анна ДУБРОВСКАЯ:

— Моя мама — актриса Минского театра оперетты. Я выросла в театре, в кулисах. Меня не на кого было оставить, и мама брала меня с собой. Я до сих пор знаю наизусть не только арии геройни, но и все оперетты целиком. Поначалу я хотела заниматься музыкой, поступала в музыкальное училище, писала и пела песни. Даже записывалась на радио.

— Почему вы оказались именно в Щукинском училище?

— Это, наверное, провидение. Поступала, как водится, во все училища. Но на первом туре попала сразу к моему будущему учителю — Владимиру Владимировичу Иванову. После прослушивания Владимир Владимирович вышел, стал со мной разговаривать, и мы сразу стали друг другу симпатизировать. Я поняла, что никуда больше не пойду, и буду учиться только у него.

— Вы вышли на профессиональную сцену еще будучи студенткой и с тех пор не знаете не только творческих просторов, но и неудач. В вас есть то, что называют актерской ненасытностью?

— Это качество есть, наверное, в любом актере: и в молодом, и в пожилом, и в студенте, и в мэтре. Игрой пресытиться невозможно. Наблюдая наших великих актеров, я вижу: им всегда хочется новых ролей. Мне повезло, и на четвертом курсе мне предложили ввестись в спектакль Вахтанговского театра. Да в какой — «Принцессу Турандот»! Так отпали всяческие колебания по поводу выбора театра. Ведь меня приглашали в Ленком, а Андрей Александрович Гончаров даже начал со мной репетировать пьесу в театре Маяковского.

— Выйти на сцену легендарного театра в девятнадцать лет, да еще в роли Турандот — не шутка! Не давили на вас шлейф тех великих актрис, которые до вас играли эту знаменитую роль?

— О том времени вспоминаю с трепетом. Ведь я еще ничего не умела. И когда я впервые произнесла текст: «Кто здесь так храбро льстит себя надеждой проникнуть в тайный смысл моих загадок?» — то не понимала, я ли стою на сцене и произношу какие-то слова, мои ли это руки-ноги. Мне очень помог Владимир Владимирович, он в меня верил. И я ему за это очень благодарна. В тот момент я очень легко-мысленно отнеслась к происходящему.

— А каковы ваши «взаимоотношения» с Турандот сейчас?

— Я всегда ищу что-то новое. Честно говоря, до сих пор не поняла, как это нужно играть. Роль сложна еще и тем, что ее нельзя играть с плохим настроением. Она построена не только на тексте, пластике и органике, а на каком-то внутреннем свете.

— А как вы поступаете, если нет настроения играть какую-то уже поднадоевшую роль?

— Надо бередить свое нутро, чтобы выдать что-то новое. Нужно заставлять себя. Рецепты у каждого свои. Если ты считаешь себя профессиона-

«Игрой пресытиться невозможно»

Только что в Вахтанговском театре состоялась премьера «Царской охоты» Леонида Зорина. В спектакле, поставленном Владимиром Ивановым, Анна Дубровская играет одну из главных ролей. Напомним, что Елизавету актриса играла еще в Щукинском училище и уже тогда привлекла внимание публики и критики. Сегодня в ее репертуаре — Дездемона в «Отелло», Зинаида в «Дядюшкином сне». Наверное, она могла бы сыграть и Джуллетту, и Офелию, и Нину Заречную. Летом она принимала участие в съемках фильма Сергея Бодрова, уехала из Кармадонского ущелья в Москву, чтобы играть свои спектакли. Бог и Театр спасли ее от неминуемой гибели. Работа помогает пережить трагедию. Работы много и не только на сцене Вахтанговского театра. Олег Меньшиков приглашает Анну Дубровскую в свои антрефизные спектакли. Евгений Гришковец для своей «Планеты» выбрал среди нескольких претенденток именно Анну. Кстати, тексты для своих монологов в «Планете» актриса писала сама. Но начиналась творческая карьера Анны Дубровской неожиданно. В Минске, где она провела детство и юность, в театральном институте ее не пропустили даже на первый тур, посоветовав идти работать экскурсоводом или учителем. Но мама настояла, и юная Аня отправилась искать счастья в столицу.

лом, имеешь счастье выходить на сцену, ты обязана держать форму. А иначе уходи!

— Что вы вкладываете в понятие «профессиональ»?

— Я служу в театре восемь сезонов, и только сейчас начинаю понимать, куда я посылаю звук, слышит ли меня балкон, а не только партер. В театре нужен особый навык, опыт. Сейчас я продолжаю набирать его, учиться. И я знаю, в каких случаях еще нужно очень много набирать. Ведь театр очень похож на спорт. Окружающие люди могут говорить много хороших слов по поводу моей работы, но я никогда не обольщалась. Интуиция меня не подводит. Потом, после «Турандот», я четыре года играла мало, хотя меня вводили и на маленькие роли, и на эпизоды. Играла и в маске. Что естественно. Ведь театр — производство и с этим приходится мириться.

— Когда-то актера всегда спрашивали: есть ли у него своя тема?

— Мне интересно играть женскую тему. При этом я не люблю играть девочек. Ведь как зачастую происходит в театре: приходит после института молодая актриса. Она, несмотря на свои двадцать с лишним лет, уже женщина и имеет право играть именно это у тему. Но ей дают играть дочек, падчериц и так далее. И меня такая участь в свое время не обошла стороной.

— Но теперь, слава Богу, ролей у вас много, причем очень разных. Кто из ваших персонажей близок вам более всего?

— Наверное, Зинаида из спектакля «Дядюшкин сон», который поставил мой учитель Владимир Иванов. Я ее «поглавила». Для меня было очень важно то, что мы очень

подробно и глубоко провели разбор материала. Да, в конце концов, это ведь Достоевский!

— В «Дядюшкином сне» вы впервые встретились на сцене с патриархом Вахтанговского театра Владимиром Этушем. Как чувствовала себя юная актриса рядом со своим бывшим ректором?

— С Владимиром Абрамовичем мы знакомы давно. Правда, началось наше знакомство курьезно. На вступительном коллоквиуме я переволновалась, все перепутала и ответила, что «Шинель» написал Чехов. И Владимир Абрамович сказал, что человек с таким низким уровнем развития недостоин Щукинского училища. Сейчас наши отношения очень теплые, мы симпатизируем друг другу. С наслаждением вспоминаю то время, когда мы работали над спектаклем.

— А если отношения с партнером вне работы не складываются, проявляется ли это на сцене?

— Если говорить о театре Вахтангова, то там труппа такая сильная и профессиональная, что происходящее за кулисами никогда не касается спектакля. Ну, зачем выяснять какие-то отношения на сцене?! Проиграешь прежде всего ты сама. У меня в театре нет ни с кем не то что плохих, а даже натянутых отношений. Я стараюсь ситуацию держать под контролем.

— Продолжим разговор о ваших ролях. Мне показалась очень интересной и необычной Дездемона в спектакле Евгения Марчелли. Есть ли в ней черты характера, похожие на ваши?

— Я вела бы себя совсем не так, как она. Я ведь играю юное существо, которое еще ничего в этой жизни не пони-

пешно: есть роли, есть признание. Но жизнь может сложиться так, что ролей больше не будет. И в театре очень много людей, больных тем, что они не состоялись. Люди перестают жить. Они существуют в реальности двадцатилетней давности и рассказывают о тех событиях так, как будто это было вчера. Нужно быть готовой к тому, что можно жить и без театра. В жизни есть еще много прекрасных вещей: семья, дети, например. Я с такой легкостью говорю об этом, но, конечно, если такое произойдет в жизни, я не знаю, что буду делать.

— А бывает все же, что каждодневные выходы на сцену становятся тягостной обязанностью?

— Иногда я действительно устаю. Так бывает, когда спектакли идут каждый день. Конечно, это очень сильное напряжение. Но если спектакль сложился, и ты выложилась по-настоящему, то получаешь какую-то хорошую энергию от зрителя. Происходит взаимообмен, и в эти минуты ты чувствуешь счастье. Но такое бывает очень редко. Чаще всего яываю недовольна собой.

— Можно ли сказать, что вам везло в жизни?

— Да, в какой-то степени. Но если говорить откровенно, все то, что я получаю в жизни, добиваюсь своим трудом.

— В жизни вы, судя по всему, человек очень легкий и неконфликтный. А в работе вы всегда ладите со своими режиссерами?

— Наверное. Во всяком случае, я всегда стараюсь вникнуть в то, что говорит режиссер. Но иногда приходится идти на компромиссы, искать какие-то ухищрения. Ведь порой бывает очень трудно разобраться, чего от тебя хотят. А ведь выходить на сцену все равно придется мне, и спросят все равно с меня. Ведь в программке не напишешь: «Уважаемый зритель! Простите, если вы что-то не поняли, но режиссер просил меня сдаться вот так!» (Смех).

Взаимопонимание между режиссером и актером — качество редкое. Здесь важно, чтобы режиссер тебя чувствовал. И ты его. Как это происходит, например, у нас с Владимиром Ивановым. Он меня знает досконально. Сказывается то, что я встретилась с ним в семнадцать лет и работаю до сих пор. Здесь я доверяюсь полностью. И все равно — до определенной черты. Ведь нельзя себя потерять. Нужно все то, что он показывает (а актер он замечательный) «перекроить» на себя. Иначе сотрутся твои личностные качества.

— На спектакле Владимира Мирзоева «Амфитрион» в Вахтанговском театре я наблюдал, как резвятся и хохматят ваши партнеры. Вы же при этом не позволяли себе лишнего и «блюли себя». Вы очень дисциплинированная актриса?

— В случае с «Амфитрионом» есть своя специфика. Я воводилась в чужой рисунок роли. В этом случае я лишена возможности импровизировать и свободно «купаться» в роли. Моя задача — не разрушить того, что построено не мной. А если говорить об импровизации, то я ее очень люблю. Но это в том случае, когда я чувствую себя уверенно и свободно. Когда я сама создала рисунок, то имею право насыщать его какими угодно «загитками».

— Вам было интересно работать в «Амфитрионе»?

— Очень! Работали мы долго. Владимир Мирзоев сам меня вводил на роль. Он ко всем